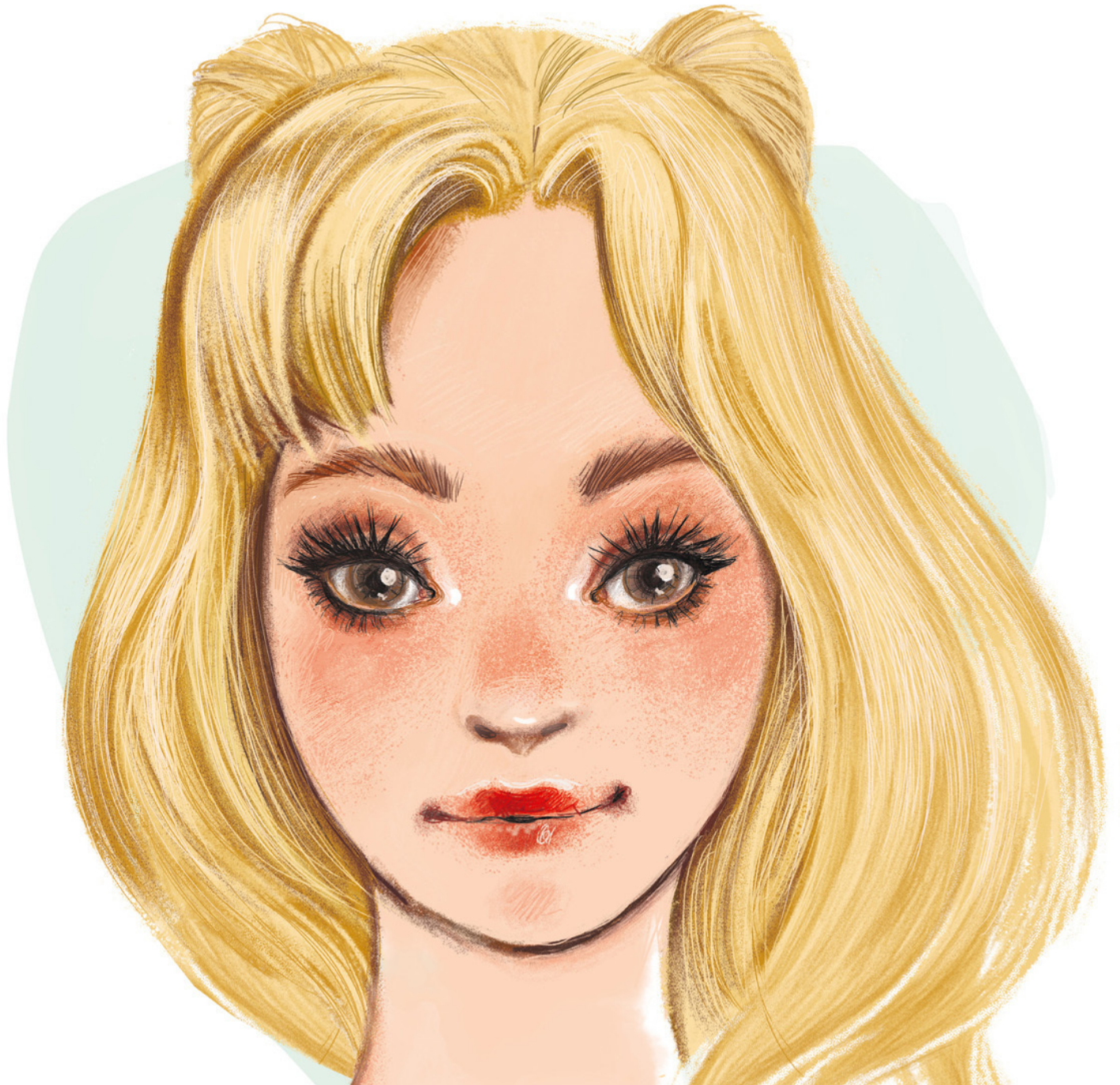

АННА НИКОЛЬСКАЯ

Прозвище:
Вилка

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Мой первый роман

Анна Никольская
Прозвище: Вилка

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Никольская А. О.

Прозвище: Вилка / А. О. Никольская — «Издательство АСТ»,
2023 — (Мой первый роман)

ISBN 978-5-17-158461-0

Анна Никольская – автор более шестидесяти книг для детей и подростков. Обладатель золотой медали С. Михалкова, лауреат премии В. Крапивина, «Книжной премии Рунета», премии Эдуарда Успенского. Ее книги переведены на английский, корейский, немецкий, словацкий языки, по произведениям А. Никольской в средней школе сдают ВПР по литературе. «Прозвище: Вилка» расскажет о тринадцатилетней девочке-подростке, которая ищет себя. Бурная фантазия и кипучая энергия порой заводят Вилку в смешные и нелепые ситуации. Однажды ей выпадает шанс поехать в Англию. Но девочка даже не подозревает, что ее там ждет. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158461-0

© Никольская А. О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Суббота, 3 июня	6
Воскресенье, 4 июня	8
Воскресенье, 4 июня	13
Четверг, 8 июня	18
Суббота, 10 июня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Никольская

Прозвище: Вилка

© Никольская Анна, 2023

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Этот дневник принадлежит: МНЕ!
ОСТОРОЖНО! НЕ ЧИТАТЬ! СУГУБО КОНЦИФЕ... КОНФЕЦИ... КОНФИДЕНЦИ-
АЛЬНО!!! Бабушка, к тебе это тоже относится!

ФИО: Б. В. И.

Прозвище: Вилка

Дата рождения: 4 июня

Возраст: 12 лет и 364 дня!

Место рождения: коридор перинатального центра имени Н. К. Крупской, на полпути к родильной палате (если верить бабушке)

Адрес: У-ск, 3-я улица Строителей, дом 25, квартира 12 (настоящий писать не буду – вдруг мой дневник найдет маньяк и начнет за нами охоту?)

Привычки: трогать себя за ухо, делать перестановку в комнате, размышлять о грядущей смерти, собирать неожиданные правдивые факты, распутывать загадочные преступления, есть

Кумиры: Гарри Стайлс, И. Б. (мой папа) и человек, изобретший пенициллин

Заветные мечты: стать женой Гарри Стайлса и лидером «Зеленого Движения», поху- деть сразу на 150000000 кг!

Темперамент: ммм... БУРНЫЙ! Средней бурности (люди думают, что я довольно странная, но то, что думают о тебе люди, не всегда правда, так?)

Рост: 1 м 48 см 3 мм (если верить бабушкиной сантиметровой ленте)

Вес: 58 кг (но вечером я плотно поела)

Цвет волос: натурально-пшеничный блонд.

Особые приметы: непропорционально развитое бoльшoе-ГИГАНТСКОЕ правое ухо

Друзья: Татьяна Анатольевна Кукушкина (Танюся), Ирина Приставкина (свое отчество Ирочка скрывает)

Питомцы: нет ни одного ДО СИХ ПОР!

Романтические привязанности: Гарри Стайлс, иногда Кузин

Страхи: растолстеть, на старости лет остаться безработной, увидеть вблизи полтергейст, летать на самолете

Девиз: не кусайтесь, да не кусаемы будете!

Еще несколько слов о себе: я очень умная и осторожная, я никогда не пойду в подвал под тревожную музыку

Суббота, 3 июня

Правдивый факт дня: если у вас одна ноздря закрыта в течение 72 часов, вы будете медленно терять способность видеть цвета. Ваше зрение мгновенно нормализуется, когда вы отпустите ноздю.

Выходит, если зажать на некоторое время ноздю, то можно взглянуть на мир глазами собаки!

Сегодня мне чуть не ампутировали ухо. Бабушка хотела, чтобы его «резали с концами», но Вадим Николаевич сказал, что мне оно еще пригодится. Если я вдруг стану оперной певицей или, например, как он – оториноларингологом, то парочка ушей мне еще как потребуются. Вообще-то, ковыряться в чужих ухо-горло-носах мне неинтересно, а вот сцена – это, может быть, и мое. Еще он сказал, что приклеивать уши к голове супер-клеем не то чтобы глупо, но смертельно опасно для жизни.

– Она так больше не будет, – мрачно сказала бабушка. – Уж поверьте мне на слово.

Мне не понравилось, как она это сказала. И как судорожно ее побелевшие пальцы сжали при этом сумочку.

– Вот и отлично, – вежливо улыбнулся Вадим Николаевич и стал намазывать мне ухо чем-то холодным и вязким. Ухо у меня бумкало, как маленький барабан. Хотя оно увеличилось в размере раз, наверное, в пятьсот! Я послушно лежала на кушетке лицом к стене, слушала радио, и мне казалось, что Вадим Николаевич пытается сделать из моего уха бутерброд с маслом. А потом его откусить. Но когда сводка криминальных новостей закончилась и начали петь «Блэк Пинк», Вадим Николаевич сказал, что я могу вставать, а сам принялся что-то быстро строчить в амбулаторной карте. Он почему-то был не в зеленом медицинском халате, а в брюках и свитере. Я вспомнила, что у меня есть точно такой же, в толстую кривую косичку – мне его вязала бабушка. Прямо один в один.

Он все писал и писал, бабушка напряженно молчала, а я вдруг подумала: а что, если этот свитер ему тоже вязала бабушка? В смысле, не его, а моя. Это была такая страшная мысль, что я моментально вспотела. Ведь моя бабушка вяжет только мне и еще иногда – папе! Так почему же на нем, на этом Вадиме Николаевиче Каце, на этом участковом ухо-горло-носе, которого мы с бабушкой видим впервые, надет свитер, связанный собственноручно моей собственной бабушкой?!

В поисках ответа я стала придирчиво разглядывать его кабинет. Все в нем было подозрительным, начиная с пластикового окна и заканчивая ковриком у двери с надписью «Добро пожаловать!». Всюду чистые белые стены, пол, потолок, стул... Странно, очень странно.

Но тут мой взгляд упал на стол, и это отвлекло меня от тревожных предположений. На нем лежал надкушенный батончик «Сникерс».

Я подумала: надо же, этот доктор ест «Сникерс». Не здоровые легкоусвояемые белки, жиры и углеводы, а вредный промышленно-обработанный «Сникерс»! Наверное, он открыл его перед самым нашим приходом и даже успел надкусить. Но не успел спрятать, потому что пришли мы.

Я посмотрела на бабушку – она его тоже заметила, этот тихий шоколадный ужас на столе, и уже брезгливо поджимала губы. А потом она заметила, что я заметила, что она заметила, и тогда она спросила у доктора Каца ехидным голосом:

– Надеюсь, до сепсиса дело не дойдет?

– Я прописал вам антибиотики, – ответил он и отправил нас в коридор.

Домой мы шли молча. Мимо нас молча шли люди в головных уборах и без. Человек с козлиными ногами. Женщина с гигантской попой. Ребенок с голубым лицом. Высокий старик с пакетом. Бабушка несла в сумочке антибиотики и со мной не разговаривала. Она зачем-то

замотала меня шерстяным шарфом по самые уши. Ощущение, как будто это боа Констриктор¹ вокруг меня обвился, а сама я – баобаб. Боа на баобабе с бабушкой. Она была в шлепках с резиновой розочкой между большим и указательным пальцами. То есть не указательным, он же на ноге, а этим... В общем, не знаю, как он правильно называется. Короче говоря, между первым и вторым пальцами с внутреннего края. С утра бабушка надела юбку и нанесла на ноги автозагар. Но не «тщательно и равномерно», как это написано в инструкции, а как бог на душу положит. Поэтому сверху ноги у нее были ярко-оранжевые, а снизу – молочно-белые.

Бабушка на меня все еще дулась. Но скажите: есть ли моя вина в том, что родили меня с двумя непропорционально развитыми ушами? И еще ответьте: как на свете жить человеку, когда левое ухо у него крошечное, как у хомячка, а правое – величиной с августовский лопух и торчит под углом девяносто градусов?!

Денег на пластическую операцию я просила у папы. Но бабушка сказала, что это мотовство и что лишних денег в семье нет. Вот поменяем на кухне раковину, а там посмотрим. Я не спорю, что кухонная раковина для людей без посудомоечной машины – архиважное приобретение. Но собственная УШНАЯ раковина мне все-таки гораздо важнее. Поэтому я решила приклеить ее к голове. Скотчем не получилось – он не прилипал к волосам. Большая канцелярская скрепка продержалась недолго. Поэтому оставался клей. Суперклей.

И все было хорошо, просто замечательно в течение двух первых дней. Впервые в жизни я позволила себе выйти на улицу с конским хвостом! Обычно я ношу распущенные волосы. Вы бы только видели, какой фурор я произвела во дворе среди бабушек (хвост я начесала и набрызгала сверху цветным лаком)! Но сегодня утром я проснулась с пылающим беляшом справа на голове. Вдобавок завтра у меня день рождения, и бабушка сказала, что будут гости.

Я не хочу гостей. На день рождения я хочу космическую пластику уха! То есть косметическую.

– А свитер ТЫ ему связала?

– А? Какой свитер?

Я остановилась и пристально посмотрела бабушке в глаза. Горло от шарфа у меня пере-сохло. Я вдруг все поняла. Это она – точно. Она связала ему этот проклятый свитер! Но зачем же она скрывает? Этот Кац – он что, ее незаконнорожденный сын?!

– Который у доктора... В косичку... У меня ведь точно такой же... – сказала я таким тоненьким от волнения голосом, который можно расслышать, только если ты летучая мышь или моя бабушка. У нее немецкий слуховой аппарат.

– Ты что, больная? – сухо спросила бабушка и, наслюнив палец, стала тереть у меня под носом.

А самое страшное в моей жизни знаете что? Что меня зовут Виолетта.

Виолетта Ботова. И завтра мне исполняется тринадцать лет. А шампанское с антибиотиками нельзя.

¹ Удав обыкновенный.

Воскресенье, 4 июня

Правдивый факт дня: ДНК человека на 30 % совпадает с ДНК салата.

Проснулась я не с пионами и подарками на подушке, а оттого, что в туалете тошнило бабушку. Я обула тапочки и пошла смотреть, что случилось.

С несчастным видом, вся в черном, бабушка сидела на холодном кафельном полу.

– Это от меня?

– А? – бабушка отрешенно смотрела в пространство между мной и дверным косяком. На лице у нее было выражение невыносимой муки.

– Ну ты же всегда говоришь, что тебя от меня уже тошнит.

Кряхтя бабушка поднялась с пола и, отодвинув меня в сторону, на слабых ногах пошла на кухню. Зашумел кран, потом телевизор и чайник.

А может, они просто забыли?

Я вернулась в комнату и хорошенько все там проверила. Нет, подарка нигде не было. Кота тоже.

Просто я надеялась, что бабушка подарит мне деньги на операцию, а папа – кота. Он обещал. Но папы дома тоже, кажется, нет.

Я легла обратно в постель и стала думать. Почему бабушке так плохо? С утра ведь ей обычно хорошо, давление поднимается лишь к вечеру. Утром плохо бывает только алкоголикам и беременным женщинам, но бабушка у нас непьющая, а значит... Получается, что...

Она беременна!

Но ведь ей же шестьдесят четыре года!

Меня прошиб холодный пот. Науке известны случаи, когда женщины рожали и в шестьдесят, и в семьдесят лет. А одна девочка в нашей школе родила в тринадцать! То есть, гипотетически, начиная с сегодняшнего дня, я тоже могу родить. И если мы родим с бабушкой вместе, то мой ребенок ей будет правнуком, а ее – мне кем? Кузеном? Внучатым племянником? И потом: бабушкин муж, мой дедушка и папин папа, давно умер. Выходит, ее ребенок будет незаконнорожденный?! Но тогда кто же отец?

Я вдруг вспомнила вчерашнего Вадима Николаевича, из больницы. Свитер! Так вот почему она его ему связала! Теперь все ясно. Эта мысль так потрясла меня, что у меня зашевелились волосы. В голове никак не укладывалось: как бабушка могла предать память дедушки? Ведь она же до сих пор носит по воскресеньям траур!

Я вдруг явственно представила себе, как мы с ней идем по парковой аллее с колясками. У нее серая (это бабушкин любимый цвет), а у меня синяя. Мы идем все в утреннем тумане, а в колясках в это время лежат наши дети примерно одного возраста. Звучит красиво – идем в тумане, но на самом деле это как через мокрую грязную тряпку идти. Мне не видно крошечных лиц наших деток, но я знаю, что похожи они как две капли воды на своих матерей. Мой – толстый с ухом, а бабушкин – весь в морщинках у рта.

Я прислушалась к себе: нет, не тошнит. Только в животе бурчит, потому что уже хочется есть. И потом, с чего бы меня тошнило? Пашка меня всего один раз поцеловал, да и то в щеку.

– ВиолЭтта! ВИОЛЭТТА!

– Чтооо?!

Бабушка сразу замолчала. Она всегда так делает: позовет откуда-нибудь издали страшным голосом и сразу замолчит. Затаится. Иногда бывает, часами сидишь с ней в одной комнате, она тебе слова не скажет, а выйдет – и сразу начинается: «Вио-лЭэээээээтта!»

Я быстренько натянула штаны с футболкой.

– Виолэээтта!

Терпеть не могу, когда меня так зовут. Через длинную Э. Хотя через Е – тоже ужасно. Это папа придумал. На протяжении трех месяцев они с мамой решали, как меня назвать. А когда им позвонили из ЗАГСа и сказали, что если меня немедленно не зарегистрируют, то меня заберут в детдом, папа начал листать телефонный справочник. Как на беду, Виолетта Эдуардовна Пантерова было первым, что бросилось ему в глаза. Не спорю, это звучит интересно и даже интригующе, но моего папу зовут Иван Ботов. Этого они не учли.

Папе всегда казалось, что девочка с таким шикарным именем, как у меня, вырастет сто-процентной красавицей. Но он ошибся два раза: во-первых, шикарное имя – это Настя. У нас половину девочек в классе так зовут. А во-вторых, красавицы из меня абсолютно не выросло. Зато выросли ступни и правое ухо. (У меня тридцать девятый размер. Не уха, а ноги.)

Бабушка стояла посреди кухни с утюгом в руке (я украдкой оглядела ее живот – он был обычного размера). Перед ней возвышалась гладильная доска с кучей штанов и футболок.

– Ты меня звала, бабушка? – скромно спросила я, все еще надеясь, что сейчас грянет музыка, хлопнушки, из коридора выбежит папа с котом, и мы станем завтракать чем-нибудь вкусеньким.

– Ужас какой-то! – рявкнула бабушка.

Она все еще была зеленого цвета. Мне стало жалко ее, эту пожилую беременную женщину, и я спросила напрямик:

– У тебя будет ребенок?

– Ты рехнулась?

– Но тебя же тошнило в туалете.

– Я съела вчера проклятый хот-дог в переходе!

– В переходе?! – ужаснулась я. Это было так непохоже на бабушку.

– Никогда так не делай, слышишь! Ладно, бери утюг.

– Зачем? – не поняла я.

– Буду учить тебя гладить.

– Зачем?

– Затем, что тебе тринадцать! А если я помру, ты даже лифчик себе не сможешь погладить.

– А разве их гладят?

– А ты думала.

– Но я не ношу лифчиков.

Это, кстати, правда. Не ношу не из принципа, а просто у меня пока нет груди. У всех в классе уже есть, а у меня нет.

– Вот, – сказала бабушка, любовно раскладывая на гладильной доске свои панталоны. – Учись, пока я жива.

– Мы будем учиться на твоих старых панталонах?

– Нет, на новом папином костюме.

– Но это же твои любимые...

Тут бабушка покраснела, а я вспомнила тот знаменитый случай, который произошел с ней в 1999 году. Бабушка о нем нам часто рассказывает.

В тот обычный августовский день она пошла в магазин за носками для дедушки. Она ходила между прилавками и вдруг она увидела ЕГО! Не дедушку, а высокого мужчину с черными волосами! Бабушка сразу поняла, кто это, но сделала вид, что не поняла. Она всегда была хитрая. Она тихонько подошла к мужчине сзади и стала слушать, о чем он говорит с продавщицей. А говорили они о панталонах. При этом продавщица то и дело громко смеялась, предлагая мужчине разные модели. Но этот мужчина у нее так ничего и не купил. Он потом пошел в шляпный отдел – бабушка проследила за ним – набрал там разных шляп и скрылся в

примерочной. Бабушка все ждала, ждала, когда он выйдет, но мужчина так никогда и не вышел оттуда. Он исчез в примерочной!

Но самое интересное знаете что? Это был знаете кто? Это был Элвис Пресли. Бабушка его сразу узнала, а ведь все до сих пор думают, что он давно умер.

Потом бабушка видела его еще неоднократно: один раз в 2010 году, он ел пельмени в пельменной, и два раза у памятника Пушкину прошлым и позапрошлым летом. Он возлагал цветы.

Я все думаю: почему Элвис Пресли живет теперь в нашем городе? И как ему удалось за эти годы нисколько не постареть? Бабушка говорит, что он ни капельки не изменился, только бороду отпустил. И почему он возлагал цветы Пушкину, как будто это его кумир?

В тот день бабушка купила эти самые панталоны, которые мне предстояло сейчас отутюжить. Теперь вы представляете весь груз ответственности, который свалился на мои плечи? Дрожащей рукой я взяла у бабушки утюг и стала гладить. Я бы наверняка прожгла в них дырку – даже не от неопытности, а от волнения – но тут к нам в дверь позвонили.

Это был папа. Он ворвался в коридор, как целая стая птиц, – крепко обнял меня, звонко поцеловал и протянул коробку, в которой было что-то живое. Я поняла это по звуку – из коробки шел звук!

И я решила: ура. Это кот. Наконец-то! Я назову его Вася! Столько радостных мыслей пронеслось у меня в голове, пока я открывала эту запечатанную скотчем коробку.

Вот я и кот идем по тротуару.

Вот кот и я сидим на диване и смотрим кино.

Вот я глажу Васю по голове, а он тихонько так мурлычет и мигает глазами.

Вся наша счастливая жизнь с котом в одночасье промелькнула у меня перед глазами!

Но этот был совсем не кот.

В коробке, устланной рваной газетой, в этой коробке с дырочками, чтобы не задохнуться, в коробке, которую мне вручил на тринадцатилетие мой собственный папа, сидела курица.

Не жареная, а живая. Она была зеленого цвета.

Так. Кажется, теперь мне надо подробно рассказать про папу. Ведь вы с ним еще не знакомы.

Люблю, когда из людей дует свежий ветер! В смысле вдохновенных, окрыленных, увлеченных людей люблю. Мой папа как раз из таких. Многие думают, что он чудик. А вообще-то он страховой агент. Он страхует людей! Он может застраховать любого! И от чего угодно! От пожара, от наводнения или, наоборот, от засухи, от ограбления, от землетрясения, от потери ключей от дачи, от того, что вам на голову упадет кирпич, от паралича, от нападения хулиганов, от облысения и выпадения зубов, от крушения поезда, от попадания молнии в дерево, под которым вы стоите, от укуса клеща или кенгуру и даже от смерти! Единственное, от чего мой папа не сможет вас застраховать, это – от несчастной любви.

– От любви не страхуются, – часто повторяет папа, – от любви теряют голову! (А бабушка считает, что от любви деградируют.)

Еще он любит повторять, что Вселенная изобильна.

– Не ждите чуда, чудите сами! – говорит мой папа. – И Вселенная вам в этом поможет!

Сам он недавно потерял голову от любви к библиотекарше. Но об этом мы с бабушкой предпочитаем напряженно молчать.

Кроме того, что папа очень занят на работе, он всерьез озабочен будущим нашей планеты. Он «зеленый» или, в трех словах, защитник окружающей среды. Но не обычный, как я или бабушка (мы никогда не мусорим на природе, всегда сдаем пластик и макулатуру в прием и, уходя, тушим свет), а воинствующий. Кстати, использованные батарейки мы с бабушкой относим в супермаркет. Там у них прозрачная корзина для этого стоит.

Так вот, быть воинствующим зеленым в нашем маленьком городе – дело непростое. Потому что в нашем городе традиционно мусор разбрасывают все – от мала до велика. И я не знаю ни одного жителя города (кроме нас с бабушкой), который бы сдавал макулатуру. Поэтому дел у папы всегда невпроворот.

– Возьмем, к примеру, дыры, – часто говорит папа. – Ты в курсе, что в озоновом слое Земли есть дыры? Так вот, еще тридцать лет назад их общая площадь составляла пятнадцать миллионов квадратных метров. А сейчас – уже тридцать! Тридцать, ты понимаешь весь космический ужас этого числа? Совсем скоро наш озоновый слой превратится в дуршлаг, это приведет к глобальному потеплению, и я не могу с этим мириться!

После таких заявлений папа обычно громко хлопает входной дверью и уходит из дома. А мы с бабушкой ждем его к ужину. Но бывает, что и к ужину папа не возвращается. Что он делает и где ночует при этом, мы не знаем. И позвонить библиотекарше нам неудобно. А больше никому, ведь папа единственный зеленый в городе.

Но вернемся к нашим баранам. То есть курицам.

– Это что – курица? – спросила бабушка. – А кто ее будет убивать и ощипывать?

– Никто ее не будет убивать, – сказал папа. – Это подарок Вилке на день рождения. Домашний питомец, понятно?

– Непонятно, – сказала бабушка.

А я сказала:

– Но я хотела кота!

– Котов на птицефабрике не было, – заявил папа и полез в холодильник. – Мы будем завтракать? Я сегодня жутко голодный!

– Ты что, украл ее с птицефабрики? – удивилась я.

– Не украл, а спас.

– А почему она вся зеленая?

– Я покрасил ее из аэрозоля. Случайно. Я им там все покрасил, а курица просто под струю попала. Как мы ее назовем?

Я посмотрела на бедную курицу. Она сидела в коробке, вжавшись в стенку, и тряслась.

– Почему она не вылезает? Цып-цып-цып, – я поманила курицу пальцем.

– У нее агорафобия – боязнь открытого пространства, – заявил папа, откусывая кусок от батона. – Они там знаешь в каких условиях живут? Только представь: всю жизнь это бедное создание провело в клетке не больше нашего телевизора! И вот результат, – он красноречиво уставился на дрожащую курицу.

Я посмотрела на телевизор. Он у нас от старой дедушкиной машины – малюсенький. Просто его никто, кроме бабушки, все равно не смотрит (она каждый день следит за политической картиной мира, особенно ее интересует Ближний Восток). Я представила себе мою бедную, бедную курицу в этом крошечном телевизоре. Ужас.

– Но ничего, она скоро освоится и начнет нести яйца, – сказал папа.

– Давай назовем ее Васей, – предложила я в честь кота.

– Никого мы называть не будем, и яйца тоже никто нести не будет, – сказала бабушка.

– Почему? – хором спросили мы с папой.

– Потому что ты сегодня же вернешь ее обратно. Я не хочу, чтобы мой единственный сын сел в тюрьму из-за какой-то несчастной курицы. И вообще, хватит кусочничать!

– Вот именно что несчастной! – взвизгнул папа, пряча за спину батон. – Смотрите, сколько страха и тоски в ее маленьких круглых глазах!

Мы с бабушкой опять посмотрели на курицу.

– А, делайте что хотите, – вдруг услышала я волшебные бабушкины слова. Услышала – и как будто пироженку съела. – Только убирать вы за ней сами будете.

– Мы будем! Мы будем! – радостно закричали мы с папой. – Ты не волнуйся.

Но я подумала, что как-то подозрительно быстро бабушка сдалась. Обычно-то она непоколебимая.

Потом мы все вместе, включая Васю, сели завтракать. В честь дня рождения бабушка напекла булочек и сварила малиновый компот. А еще она подарила мне свой старый бюстгалтер.

Вечером я пойду отмечать день рождения в кафе. Одна! Вернее, без папы с бабушкой, но с девочками! Первый раз в жизни! Завтра подробно про все напишу.

PS: Я все-таки прожгла бабушкины панталоны. Но она не ругалась (у меня ведь ДР), заштопала их, надела и пошла в магазин. Все надеется опять встретить Элвиса. Или Николу Теслу – она верит, что он тоже жив и изобрел *perpetuum mobile* (вечный двигатель).

Воскресенье, 4 июня

Правдивый факт дня: бесподобное притягивает бесподобное.

Однажды папа мне сказал:

– Если когда-нибудь ты полетишь на самолете, обязательно возьми с собой страуса.

– Зачем? – спросила я. Я уже привыкла, что папа у меня необыкновенный, но все равно он не перестает меня удивлять.

– Это будет твоей гарантией. Понимаешь, Вилка, статистическая вероятность того, что твой самолет разобьется, весьма мала. Тебя скорей задавит машина или покусает бешеный пес, и все-таки такая вероятность существует.

Звучит ужасно, правда? Особенно из уст собственного папы. Но вы не забывайте, что он у меня страховой агент, а у них специфический юмор – довольно черный. Или скорее коричневый. Коричневый юмор – это когда все думают, что человек шутит, а вообще-то он говорит на полном серьезе.

– Есть теория, – на полном серьезе продолжил папа, – что в разбившемся самолете загрузка всегда меньше, чем обычно на этом рейсе. Люди опаздывают, заболевают, теряют билеты или просто вдруг отказываются от поездки.

– Правда, что ли?

– Даже есть такая поговорка, – радостно кивает папа. – «Если самолёт забит, значит, точно долетит!»! Но проверить это никак не получается, такие данные авиакомпании обычно не разглашают.

– А при чем здесь страус?

– При всем! – папа воздевает палец к потолку. – Вероятность того, что страус погибнет, разбившись на самолете, равна почти нулю. Так что всегда бери его с собой, не прогадаешь.

– Но у меня нет страуса.

– Да? – рассеянно переспрашивает па-па и, надев вместо своей бабушкину шляпу, уходит на работу.

Еще несколько дней после того разговора я не могла спать. Мне все мерещилось что-то, мерещилось. В основном это были разбивающиеся самолеты и бешеные псы, кусающие меня за ногу. Бабушка пела мне на ночь колыбельные, которые не помогали, а потом вышибала меня медвежьей дозой детского снотворного. Неизвестно, как долго бы все это тянулось, если бы однажды папа с видом заговорщика не преподнес мне страуса. Он купил его в «Детском мире». В страуса была встроена погремушка, а на этикетке написано: «Детям от 0 лет». Мне было шесть, но все равно это помогло. Кстати, я вам обещала рассказать про день рождения, так что слушайте.

Это было ужасно. Просто тихий ужас, а не веселая вечеринка в кругу подруг. А все опять из-за Пашки. Математическая вероятность того, что он найдет нас в том кафе, была даже меньше, чем у страуса в самолете. Но вы просто не знаете Пашку! И я его, оказывается, тоже не знала.

Он в меня влюблен. Это я вчера окончательно поняла. Вернее, это мне Танюся сказала.

Мы сидели с ней и с Ирочкой в кафе. Без бабушки! Без папы! Даже не в кафе, а в настоящем ресторане. Я была в джинсах, в футболке с Билли Айлиш и накрашенная. Видела бы меня сейчас бабушка. Просто я до этого переделась в туалете. Платье с бантом и гольфы сняла, а волосы распустила. Ухо у меня еще не прошло – пульсировало, как после школьной дискотеки, но я решила не обращать на него внимания. В туалете висела всего одна лампочка, а по стенке полз таракан. Было сумрачно, как в каком-то триллере, и я не очень видела себя в зеркале. Красилась я на ощупь, но девочки все равно отпали, когда я вошла в зал. Танюся сказала, что

я похожа на Беллу Хадид, а Ирочка – что на инопланетянина. А двое мужчин за столиком у окна, когда меня увидели, сразу отвернулись и стали смотреть на улицу.

Сначала все было просто супер. Я разворачивала подарки, читала открытки, а девочки пели по-английски «С днем рождения тебя!». Танюся мне подарила рюкзак с Гарри Стайл-сом, а Ирочка блокнот и постер – тоже с ним. Им обоим больше нравится Фогель, но тут я согласна с бабушкой: ему не хватает мужественности. Бабушка, конечно, немного по-другому сказала, с присущей ей прямоотой:

– Глиста в скафандре.

Но девочкам лучше про это не знать, а то они совсем перестанут с ней здороваться. Они ее и так уже избегают.

Ну и. Мы заказали алкогольные коктейли. Но вместо «Кровавой Мэри» официант принес нам клюквенный морс. На Танюсин резонный вопрос: «Вы что, перепутали заказ?», он ответил, что ничего он не перепутал, и долго смотрел сначала на Танюсю с Ирочкой, а потом на меня. Я испугалась, что сейчас он потребует у нас паспорт, и быстро перевела разговор на другую тему (все равно мне с антибиотиками нельзя). Я заказала сосиски! Обожаю сосиски с пюре из концентрата! Но бабушка лучше умрет, чем позволит мне это съесть. Однажды она рассказала историю, после которой я еще больше влюбилась в сосиски. Про драгоценный перстень. Когда бабушка была маленькой, она тоже очень их любила, в те стародавние времена сосиски считались в бабушкиной семье деликатесом. Однажды маленькая бабушка нашла в сосиске золотой перстень. Конечно, она сразу отдала его маме, моей прабабушке. Они продали его и купили квартиру в новостройке и диван (перстень оказался старинный и очень дорогой). Но с тех пор бабушка даже глядеть не может на сосиски, потому что кроме перстня, в той сосиске был еще палец. Причем мужской.

Ирочка заказала то же, что и я, а Танюся – лобстера. Просто потому, что она у нас такая необычная. Увидела в меню лобстера и сразу соблазнилась. Я моментально вспотела. Я мысленно пересчитала деньги в кошельке и поняла, что на лобстера нам точно не хватит. Но как сказать об этом лучшей подруге, которую ты в первый раз в жизни пригласила в ресторан? Никак, особенно учитывая Танюсин сварливый характер и «тройку» по математике. Поэтому я решила ничего ей пока не говорить, а потом что-нибудь придумать.

Танюся носит две косички. Звучит мило и даже романтично, но на самом деле это делает ее похожей на викинга. Она у меня крупная. А Ирочка – наоборот – худощая, как палочник. Это такое насекомое, похожее на веточку от дерева. Сидит себе на деревянном стуле – с интерьером почти слилась. Она мечтает стать моделью, поэтому почти не ест – только в таких исключительных случаях, как сегодня. А на большой перемене сосет палочку от мороженого, которое я до этого съела.

Я сидела и рассматривала цветы в вазочке на столе. Танюся сказала, что они пластиковые, а я думала, что живые – просто они завяли. Но Танюся настаивала на своем. Она даже понюхала цветочки и попробовала их жевать.

– Точно пластиковые.

Мне не хотелось с ней спорить, потому что я уже заметила тех парней. Их тоже было трое. Им было лет по восемнадцать, наверное, но они все равно пили морс. Они сидели совсем близко, метрах в двух – и тоже нас заметили. Они стали периодически на нас поглядывать и улыбаться. Особенно улыбался один – кудрявый, в очках. Он был похож на моего папу, а у нас с мамой вкусы одинаковые.

Сразу стало в кафе интересней! Даже потолок как будто порозовел, а увядшие цветы в вазочке воспряли духом. Ведь не сосиски же есть мы сюда пришли.

Мы с девочками по очереди сбегали в туалет посмотреть в зеркало и распределить парней. Мне сразу достался очкарик, а Танюся с Ирочкой никак не могли поделить между собой блондина. Но потом Ирочка сдалась. Мы вернулись за столик и завели *светскую беседу*, изящно

попивая при этом морс. Беседовали мы, конечно, о погоде. Кроме погоды ничего больше не идет на ум, когда на тебя так смотрят из-за соседнего столика.

– Сегодня жарко, – сказала Танюся и стала грациозно обмахиваться меню. – Душно просто невероятно!

Оно было в деревянной обложке, поэтому, если честно, выходило у нее не очень грациозно. Я все боялась, что Танюся случайно ударит по голове сидящую рядом Ирочку.

– Кажется, скоро пойдет дождь, – нараспев сказала Ирочка, и тут обе уставились на меня.

А на меня вдруг нашел ступор. Я понимала, что подружки и те парни за столиком ждут от меня чего-то. Потому что все вдруг разом замолчали. Чего-то такого! Необыкновенного, прекрасного и одновременно остроумного. И чтобы все это было про погоду. Но я молчала, и со мной молчал уже весь ресторан. Перестали греметь ножи, звякать бокалы, свистеть у чайников свистки на кухне, и даже бармен убавил громкость у телевизора. Все в предвкушении смотрели на меня.

– Мммм, – выдавила я наконец и уставилась в окошко, чтобы только не видеть лица подруг. И все это замершее вокруг меня тоже не видеть.

Вообще, я люблю смотреть в окна – там все время разная картина. Например, в один день лужа, а в другой – уже нет. Или вон зонтик с попугаем, как сейчас.

– Зонтики – как праздники на ножках, – вдруг сказала я и опять посмотрела на того парня в очках. Интересно, я ему нравлюсь? Если честно, с трудом могу себе это представить. Я и себе-то нравлюсь только в исключительных случаях.

Его очки вдруг радостно сверкнули, вновь загрели ножи и бокалы, а наша беседа полилась рекой.

И вот, когда, казалось бы, все стало складываться прекрасно, когда кудрявый парень просто уже весь светился от счастья, глядя в мою сторону, появился он. Пашка. С той самой минуты все пошло кувырком.

Но вы про Пашку еще ничего не знаете.

Он – сталкер. Но не потому, что он хорошо ориентируется на местности, а потому, что везде ходит за мной. Буквально по пятам. Стоит мне выйти из дома – и я сразу на него натыкаюсь. В магазине, на улице, в трамвае, в поликлинике, в библиотеке. А однажды я встретила его в перинатальном центре, когда возила котлеты и сок двоюродной сестре. Пашка сидел в очереди на УЗИ, в плотном ряду беременных женщин. При этом он делал вид, словно здесь, в этой очереди, он сидит не первый день, тут он уже свой в доску. Он даже надел бахилы на кроссовки, а в руках крутил номерок из гардероба. Пашка притворялся, что не замечает меня. Якобы он увлечен беседой с женщиной в трико. Кажется, она была на девятом месяце беременности. Я встала в уголок и прислушалась. Пашка рассказывал о том, как правильно дышать во время родов. Мне надоело смотреть, как он пудрит несчастной мозги, я подошла к ним и сказала:

– Пашка, хватит за мной следить.

И знаете, что он сделал? Знаете, что сделал этот несчастный Пашенций? Он претворился, что видит меня впервые! Я, было, возмутилась, но очередь сразу приняла его сторону – мерзавец успел ее обаять. Беременные стали махать на меня руками и кричать «Кыш! Кыш!», словно я какая-нибудь курица. А одна беременная пригрозила мне полицией, а потом еще кулаком. В общем, мне пришлось ретироваться. Я даже котлеты от огорчения забыла передать.

А еще он слушает тяжелый рок. Все эти дждждж-тудудуду-джджджи! У меня от таких звуков сразу ломается голова. Бабушка однажды посмотрела концерт Пашкиной любимой группы «Рамштайн» – случайно, она диски перепутала – и сказала:

– Белые люди, а как нецивилизованно неистовствуют!

Там музыканты на сцене друг об дружку разбивают гитары. Пашка говорит, это оттого, что в их песнях глубокие эмоциональные миры. Они очень, на самом деле, ощутимые, но у меня почему-то никак не получается их ощутить.

Но надо сказать, при всей своей эксцентричности Пашка очень умный. Он самый умный в нашем классе, хотя и двоечник. Но папа говорит, что оценки вообще ничего не значат для жизни и что среди двоечников обычно попадаются самые гениальные личности. Я с ним согласна. Согласна и нет. Сама я отличница. И даже если бы я сильно захотела стать двоечницей, у меня бы все равно не получилось. Потому что я не люблю расстраивать. Я радовать люблю! А бабушка и наша классная Тома сильно расстроятся, если я вдруг начну хватать двойки.

И вот, этот безумец – рябой и красный, как спелая садовая клубника, – стоял сейчас перед нашим столиком, загораживая мне своей щуплой-щуплой спиной очкарика. В руках он держал какой-то смутно знакомый мне пакет. И тогда я решила действовать его же методом. Я притворилась, что впервые его вижу.

– Мальчик, тебе чего? – спросила я на голубом глазу, пиная под столом Танюсю и Ирочку.

Они тоже учатся в нашем классе и Кузина отлично знают. Кузин – это Пашкина фамилия.

– Ты что пинаешься? – взвизгнула Ирочка и сразу побледнела. Наверное, в этот момент Танюся пнула ее еще сильнее.

– Отойди в сторону, мальчик, – сказала догадливая Танюся и посмотрела на него, как будто он, не знаю, бесшей монстр из космоса! – Ты нам тень на стол отбрасываешь.

Краем глаза я заметила, что очкарик как раз вытянул шею. Он даже подобрался весь и привстал на цыпочки. Наверное, чтобы ему лучше было видно, что тут у нас творится. «Какая у него все-таки шея! – успела подумать я. – Просто лебединая».

Но Пашка на нас не обиделся, он не из таких. Кузин сразу все понял. Раскусил, так сказать, наш коварный план. Он просто взял и водрузил на стол свой пакет. Я решила, что это, видимо, подарок, а от подарков все-таки отказываться неудобно, даже в такой ситуации. Поэтому я выдавила из себя полусантиметровую улыбочку и заглянула внутрь.

Все у меня внутри оборвалось. Висело-висело на тоненькой ниточке, а потом – БАЦ! – и оборвалось.

– Ты в туалете забыла, – громко объявил Пашка на весь ресторан.

– Это не я. Ничего я в туалете не забывала! – сказала я. – Меня вообще там не было.

– Ну-ка, ну-ка, – сказала Танюся и сразу полезла в пакет.

Вот она медленно тянет к нему руку. Вот ее пальцы с накладными ногтями касаются шуршащего целлофана. Вот она уже просовывает их внутрь... Все это неторопливо происходило у меня на глазах, как в какой-то замедленной съемке. Еще минуту-другую и Танюся, а с нею весь белый свет узнают, что лежит в этом проклятом пакете с дурацким зайцем!

Этого я допустить не могла. Потому что там лежало мое платье с бантом. Розовое. И еще гольфы.

Это платье бабушка купила в прошлом году. Мне оно сразу понравилось, розовое мне к лицу. Но когда я показала платье Танюсе, она сказала, что точно такое же, вот точно с таким же пятном на груди (бабушка его так и не вывела до конца), ее мама позавчера отнесла в комиссионку. Там покупают вещи бедные люди.

– Вы бедные? – прямо спросила Танюся и жалостливо посмотрела на меня.

Я сказала, что нет, и Танюся мне не поверила. Потом она еще несколько дней носила мне в школу бутерброды с колбасой, пока я не попросила ее больше этого не делать.

Теперь сами понимаете, что я никак не могла позволить, чтобы мой пакет с зайцем был раскрыт. Поэтому я вырвала его из Танюсиных рук и **ВЫШВЫРНУЛА!**

Куда я его вышвырнула, я сама не поняла. У меня было какое-то светло-молочное помутнение перед глазами.

– Что вы себе позволяете?! – раздался оглушительный женский крик.

Это кричал наш официант. Он почему-то лежал на полу между нашим столиком и столиком тех парней, а рядом с ним лежало что-то розовое. Я решила, что платье, но нет.

Это был Танюсин этот... как там его... лобстер.

Все сразу вокруг зашумело, запричитало, заворчалось, к официанту подскочили какие-то люди в коричневом, Танюся с Ирочкой расплакались и побежали в туалет, парень в очках куда-то делся (блондин с брюнетом тоже), а Пашка почему-то оказался вдруг за нашим столиком.

Он сидел на стуле напротив меня и улыбался, как дурачок. А потом он достал из кармана спичечный коробок и вложил мне его в руку.

Что было дальше, даже вспоминать не хочется. Сосисок с пюре мы так и не поели, потому что нас выдворили из кафе. Лобстера, кстати, тоже, хоть Танюся и порывалась соскрести его с пола и унести домой в одноразовом контейнере. Но заплатить мне все равно пришлось. Вернее, пришлось нам – напололам с Кузиным. Но я сказала, что обязательно потом ему отдам. А он сказал, ладно, и проводил меня до дома.

Вот.

PS: А в спичечном коробке оказалась курица. Не живая на этот раз, а из зеленого камушка. Пашка ее вырезал, когда в январе был на море. Вот из-за этой курицы Танюся и решила, что он в меня влюбился. Хотя у подъезда Кузин заявил, что я сама курица натуральная.

Четверг, 8 июня

Правдивый факт дня: лизнуть свой локоть невозможно анатомически.

Можно много узнать о жизни, наблюдая за курицами. Я ем тушеную печень в сметане и наблюдаю за Васей. Она скачет на одной ноге по кухонному полу. Как по минному полю. Это куриная привычка – результат тяжелой жизни на птицефабрике имени «50-летия СССР». Но Вася уже оттаивает, слава богу. Раньше она из коробки днями не вылезала. А ела только опилки, которыми бабушка посыпает землю в горшках. Выбиралась по ночам и клевала, бедолага.

– Может ее конфетками покормить? – предложил папа.

– Не надо, еще подавится, – осторожноичаю я. Мне совсем не жалко конфет, мне для Васи вообще ничего не жалко. Просто я ее жалею. Бабушка говорит, жалость – низменное чувство. Она говорит, что папа женился на маме из жалости, и вон что из этого вышло. А я считаю, что женились они по обоюдной любви. Они же, глупые, не знали, что придется им жить вместе с бабушкой.

У нее любимый цвет – серый. Потому что немаркий. У бабушки, если шкаф откроешь, все-все серое: платья, юбки, кофточки. А в самых торжественных случаях (например, на свадьбу моей двоюродной сестры) бабушка надевает любимый костюм из серого кружева на подкладке и всегда производит в нем фурор. На прошлый день рождения папа подарил ей книжку «Пятьдесят оттенков серого», и бабушка обрадовалась! Думала, это что-то о моде для пожилых. Но потом мы эту книжку отнесли в «Уличную библиотеку» – такой деревянный шкаф на улице Горького.

Серый, конечно, не самый интересный цвет в мире, прямо скажем, зато он гармонирует с тучами. Бабушка – это туча, думала я, когда была маленькая. Грозоводж-девая. Сначала она молча пухнет, шурует туда-сюда по кухне, как по небу, цвет и силу набирая, кастрюлями звякает. Потом в ней что-то КАК сверкнет, КАК загрохочет! И прольется дождем, после которого все в доме вновь зацветет и запахнет озоном.

Вот такая у меня бабушка. Я ее люблю! Люблю и боюсь одновременно.

– Опять не ешь? – спрашивает она.

– Не ем я печени, – задумчиво отвечает папа, глядя в пространство между холодильником и стеной.

– Это еще почему?

– Мне кажется, она живая. Если долго на нее смотреть – она ползает по тарелке, медленно-медленно.

Зря это папа сказал. Сейчас начнется. Бабушка не любит, когда на тарелке остается еда.

– Давай я за тебя доем, – шепчу ему на ухо.

Но папа не слышит. Он мыслями где-то. В отличие от меня, он бабушку совсем не боится. Хотя она может мокрым полотенцем замахнуться. Я вижу, как бабушка начинает расти, увеличивается в размере – скоро лампочку на потолке заденет макушкой. Но тут раздается телефонный звонок, и папа уносится вдаль. Вернее, в свою спальню, где стоит домашний телефон.

– Опять ЭТА звонит, – поджимает губы бабушка.

– Откуда ты знаешь? Может, не она.

– Я все на свете знаю, – чеканит бабушка и идет в коридор. Сейчас она тихонько возьмет трубку параллельного телефона, приложит к ней носовой платок и, как шпионка из голливудского фильма, будет подслушивать. А мобильник у папы как всегда разряжен – ему даже не перезвонить.

Да, бабушка у нас все знает, все видит. Она как рентген. Однажды папа купил с рук подержанный принтер со встроенным сканером, а у него не было руководства пользователя. Так бабушка две недели подряд нажимала на разные кнопки, пока не поняла, как он работает.

– Бабушка, подслушивать нехорошо! – шепотом кричу я ей вслед. Надо было крикнуть погромче, чтобы папа в спальне услышал.

Я быстренько доедаю папину печень, то есть говяжью (худеть я решила со следующего понедельника), наливаю себе чая с пирогом и жду. Что-то сейчас будет. Обычно после звонков библиотекарши в нашем доме наступает минута молчания. Это бабушка обижается. Иногда минута может длиться часами, реже – сутками, но такое тоже было один раз. Это когда бабушка узнала (из подслушанного разговора), что библиотекарша взяла квартиру в ипотеку и хочет теперь, чтобы папа переехал к ней жить.

– Только через мой хладный труп! – сказала на это бабушка. Причем прямо в трубку, прямо через носовой платок – в ухо ни о чем не подозревающей библиотекарше.

Она, кстати, до сих пор думает, что это были помехи на линии. Не может поверить в то, что родная мама ее возлюбленного подслушивает чужие телефонные разговоры. Вообразить себе такого не может! Интеллигентная женщина. У нее дома живут две кошки и лабораторная крыса, мне папа рассказывал.

И тут на кухню входят папа с бабушкой – причем одновременно. Они садятся за стол напротив друг друга и не глядят друг на друга. Я понимаю: что-то произошло. Случилось что-то! Между ними сгусток энергии шурует, злой-презлой. И мне становится жутко. Обычно они сразу начинают ругаться.

– Ну что, допрыгались, голубцы? – наконец говорит бабушка, и я вижу, что у нее дрожат руки. Наверное, от бессилия. Бабушка против любви бессильна, это понимает даже сама бабушка. А голубцами она почему-то называет голубей.

– Ну почему сразу голубцы? – виновато выводит папа.

– Да потому что мозга у тебя в голове, как у голубца! У Васьки и то больше!

Услышав свое имя, Вася высовывается на секунду из коробки и говорит: «Квох!». А меня вдруг пронзает страшная догадка. Папа с библиотекаршей допрыгались, и это может значить лишь одно.

Не мне. И не бабушке. Не нам катать коляски в утреннем тумане!

А БИБ-ЛИ-О-ТЕКАРШЕ!

Суббота, 10 июня

Правдивый факт дня: в «Windows» нельзя создать папку с названием «Сon²», этим словом в детстве обзывали Билла Гейтса.

Я вам не говорила, что у меня есть друг по переписке? Его зовут Азубуик, что в переводе с языка Зулу означает «Спина – ваша сила». Я не знаю, как в его имени правильно ставится ударение, но интуитивно всегда ставлю на вторую «у». Просто с Азубуиком мы всего один раз говорили по телефону. Он так проникновенно булькал, что я даже не поняла сначала, что он говорит по-русски. Азубуик живет в столице ЮАР, Йоханнесбурге, с родителями, двумя сестрами и лягушкой-голиафом. Между прочим, это самая большая лягушка в мире. Она весит три килограмма. Папа привез ее Азубуику из Камеруна. Он, как и мой папа, «зеленый» и работает в Международной организации по защите птиц и сохранению их среды обитания. Мой друг назвал лягушку Гамюкой, что в переводе означает «Второй в команде», и держит ее теперь в ванной.

Адрес Азубуика мне дала наша классная Тома, чтобы я практиковала с ним свой английский, а он со мной – свой русский. Но у нас помимо этого оказалось много общих интересов. Например, мы оба интересуемся нераскрытыми загадочными жестокими преступлениями и редкими птицами. А потом он к нам приедет, наверное, вместе с папой. И мы вместе с моим папой обязательно придумаем, как нам спасти планету от озоновых дыр.

Мы переписываемся почти уже год. За это время я многое узнала о жизни в ЮАР. Там жить интересно, в этой волшебной стране! Например, у них в домах есть специальные комнаты, где живут слуги. Жители страны говорят на одиннадцати разных языках и при этом прекрасно понимают друг друга! Еще там есть африканеры – это потомки самых первых европейских переселенцев, которые приехали в Африку в поза-позапрошлом веке. Выглядят они совсем как мы – не отличишь. А недавно папа Азубуика (его зовут Изуба, что в переводе означает «Прогуливающийся медленно») поймал настоящего угонщика. Он хотел угнать его машину, но папа поставил около педалей капкан, который отобрал у браконьера, и несостоявшийся угонщик попался! А еще в ЮАР находится самый большой след от метеорита на Земле – Вредефорт. Этот метеорит врезался в нашу планету два миллиарда лет назад или чуть раньше, учёные пока спорят. Кстати, зима в ЮАР, когда у нас лето, – с июня по август, как раз сейчас.

Как видите, теперь мне известно многое о жизни в далекой африканской стране. А Азубуику – о жизни в нашем маленьком городе. Особенно ему нравится старинная русская традиция – носить шапки. И ходить в общественную баню (мы ходим с бабушкой по воскресеньям, когда там женские дни). В бане Азубуик ни разу не был и шапку никогда не носил. Так что я попросила бабушку ему связать и отправила еще в начале февраля. А вчера он прислал мне такое письмо (только не обращайтесь внимания на ошибки, пожалуйста):

«Здравствуй, моя дорогой друг Вилка!

Как твои дела? Моя хорошо. Позавчера было холодно, +20 градусов, Гамюка замерз и сбежал. Мы долго искали его по всему дому, но не нашли. Я думал, что Гамюка совсем сбежал. Но вечером он пришла домой с синяком под глазом. Наверное, подрался с соседским котом. Я лечил его подорожником, как моя дорогой друг Вилка советовал.

Как папа? Как твой бабушка? Спасибо за шапку, которую он связал! Очень красивый и теплый шапка, я вчера в ней ходил в сафари-парк. Нас водили всем классом смотреть «Большую пятерку». Так называют у нас главных животных Африки: слона, носорога, льва, леопарда и буйвола. Больше всех мне понравилась гиппопотам! Гиппопотамы убили больше

² «Ботаник» (пер. с англ.).

людей, чем львы, ягуары и крокодилы, вместе взятые. Если ты увидишь на улице гиппопотама, скорее переходи на другой сторона.

Завтра мой папа уезжает в Антарктику, работать переворачивателем пингвинов. У них так устроено тело, что, если пингвин упадет, то не сможет встать сам. Папа будет ему помогать – я очень горжусь своей папой.

Недавно около Новой Зеландии один корабль столкнулся с коралловыми рифами и образовался огромная нефтяная пятно длиной в целую милю! Из-за этого погибло уже больше тысячи пингвинов. Моя папа и коллеги думают, что от пятна перья пингвинов могут защитить вязаные свитеры. Спроси у свой уважаемый бабушка, хочет ли она помогать бедный пингвин?

Всегда твой, Спина – ваша сила».

Вот какое замечательно письмо написал мне Азубуик! Я сразу его распечатала и показала бабушке. Она с экрана не любит читать.

– Вязать свитеры? Пингвинам?! – переспросила она, и я подумала, что сейчас мне на голову прольется тропический ливень. Бабушка сейчас закричит: «Да за кого вы меня принимаете? Мне что, делать больше нечего?» Или такое: «Совсем уже с ума посходили в этой своей Зеландии!»

– А что? Ты же вязала жилет и ботики тойтерьеру Людмилы Прокопьевны (это наша соседка по этажу), – смело сказала я. – Он по комплекции почти как пингвин.

– Знаешь, а ты права, – задумчиво сказала бабушка. – Пожалуй, я свяжу парочку-другую свитеров. Только вот из какой пряжи? У меня есть оранжевый мохер. Подойдет, как ты думаешь, оранжевый мохер?

Я увидела, что глаз у бабушки загорелся. А когда у бабушки загорелся глаз, это значит, ее уже ничем не остановишь. С горящим глазом она – как паровоз на полном ходу!

– Подойдет! – весело крикнула я. – Еще как.

И бабушка полезла в шкаф за мохером.

Вязать мы решили на спицах. Вернее, это бабушка решила, а мне она сказала, чтобы я шла погулять. Не путалась у нее под ногами. Но гулять, когда там, у берегов Новой Зеландии, гибнут ни в чем не повинные пингвины, я не могла. Это было бы с моей стороны кощунство! Вязать я тоже не умела, поэтому я позвонила Танюсе.

Я все ей рассказала.

– Мы что-то должны предпринять, – сказала подруга. Я за решительность ее просто обожаю.

– Но что?!

– Вязать ни Ирочка, ни я не умеем. Так что будем помогать деньгами. За деньги можно купить все – пряжу, спицы или лучше нанять много-много вязальщиц из Камбоджи. Так все большие производители одежды делают.

– А у меня нет столько денег, – испугалась я. Я точно не знала, сколько нужно денег, чтобы спасти пингвинов, но догадывалась, что это какая-то, наверное, астрономическая сумма.

– У меня тоже, – сказала Танюся, – так что придется их заработать.

Как заработать деньги легальным путем, когда тебе тринадцать? Вы знаете? Я – нет. А Танюся знала.

– Я отнесу свои старые ненужные вещи в комиссионку, – сказала Танюся. – А Ирочка будет печь пирожки и продавать их в переходе.

– А ее не арестуют? – опять испугалась я.

– Мы подкупим полицейского. Пирожками.

Это была отличная идея. У Ирочки выходят вкуснейшие пирожки с капустой! Любого полицейского ими можно подкупить! Хотя сама она их не ест, она же на диете.

– А что буду делать я?

– Ты? – переспросила Танюся и надолго замолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.